

Музыка осени

Осень — пора, любимая многими русскими писателями. Любил ее и Константин Георгиевич Паустовский. Он дорожил самым ощущением осени, тем особым строем мыслей и чувств, что она вызывала. «Ничто не возбуждает такой бодрости духа, как осенний мокрый лес», — говорил он.

Недавно, разбирая его бумаги, я нашел маленькую не публиковавшуюся бессюжетную новеллу в трех частях, написанную в 1918 году в Копани и посвященную этому «ощущению осени». Аккуратно переписанная от руки набело, она уцелела.

I.

Начало октября. Лучшее об осени — стихи Северянина «...иду, иду под осени веселье искать грибы и горькую бруснику...»

...Запах листвы — бродящего вина, сладковатый, свежий, терпкий. Яблоко в соломе — золотистый воск. По утрам прозрачные туманы над полянами.

Просишь дальше... Серые, свежие ночи и тихое пятно луны сквозь неподвижный туман. Падают на землю длинные нити паутины. Березы — бледное золото, яблони — тонкий румянец на желтом, дубы — ржавые пятна, клены — багрец, осина — лимонные пятна... Тишина в лесах, на холмах, далеких увалах. Девственная земля, нетронутая, овеванная ветрами Родина. Утром летели дикие утки. Крики, криканье. Далекий лай собак на хуторе — в сером, слегка шелестящем безмолвии. Трещит стадо в зарослях, на порубке. Щелкают бичи пастухов — беловолоосых, пахнувших хлебом мальчишек с колючими сумками.

II.

...Утром посвистывают в лесах одинокие птицы. Пройдешь по траве — останется

несмотря на все перипетии тех бурных лет. Новелла не лишена эскизности, но к ней можно применить музыкальный термин «вариации», когда одна и та же тема последовательно звучит в разных сочетаниях. Не случайно впоследствии Константин Георгиевич любил повторять, что проза должна вызывать в душе читателя звучание музыки.

Интересно сравнить ее с отрывком из «Золотой розы». Книга написана зрелым мастером на склоне лет, но в этом отрывке встречаешься с тем же ощущением осени и даже узнаешь знакомые слова:

темный след — упала на заре сизая, холодная роса. Косые тени ложатся от деревьев. Небо умытое, далекое засинело над лесами. В его далеком сверкании на юге, словно там горят хрустали — таится глубокая тоска по морю.

Пахнет дымом сухой, жаркой соломы. Солнце бледное. Скрипит коромысло колодца — чиста и льдана лесная вода, что натекла в колодезь с полян, из зарослей, из-под мохнатых корней.

Тревожные крики гусей. Ложится оранжевое солнце в мое окно.

Пепельный день, сухой, безветренный. Не падают листья. Необычная земля, леса, увалы, реки спят в теплом сером дне. В далах — сизо. Пофыркивает лошадь, бежит по лесной убитой дороге.

Лесник, старый, ходит — спотыкается, на боку барсук — старое, разбитое ружье. Ге!

«Осень — это прозрачность и холод, «прощальная краса» с ее четкостью далей и свежим дыханием... Багрец и золото лесов и рощ редеют с каждым часом, усиливая резкость линий, оставляя обнаженными ветви.

Глаз привыкает к ясности осеннего пейзажа. Эта ясность постепенно завладевает сознанием, воображением, рукой писателя... Голова свежа, сердце стучит сильно и ровно. Только немного ябнут пальцы.

К осени созревает урожай человеческих дум...»

По вечерам я жгу лучину. Ярким багровым, немигающим светом залита изба и чистый глиняный пол, посыпанный лесным песком. Днем я брожу в лесу с топором и вырубаю смолистые корни сосны — на лучину. Капельки смолы — янтарь, пахнут густо и празднично. Соки земли. Засыхает хвоя на соснах.

Скоро пойдут дожди, холодные, словно из талого снега. Разбухнет земля. В черноте далей и лесов, в морозном духе по утрам, в сизых дымах над избами придет долгая зима. Закружатся сухие снежинки.

Легкий топот по лесу. Проскакал заяц...

Скоро зима. Я глубоко вдыхаю острый, осенний, бодрый запах. Он освежает тело, крепит вольную, настороженную душу...

По ночам — уже туманы. В туманах тихо падают листья, шуршат тяжелые капли. Нога тонет в шуршащем покрове. Лиловато-серая земля на лесных дорогах.

III.

В сухом осеннем поле на опушке, где березки алеют и осыпаются, — я нашел последние цветы — одинокую гвоздику, болиголов, анис.

Жарко горит печка в избе — уютно. Рябчик * шурит глаза и кладет мне на колени мохнатую, мокрую лапу.

Под старой яблоней около дома — широкий золотой круг листвы на траве. Вечером я видел, как взошла над лесами, в нерушимой тишине — кроваво-красная, одинокая, громадная луна. Шуршали только мои шаги...

Вечером лесные поляны освещены медным, сумрачным светом, все багряные от листвы. Византийская пышность.

Плывут перистые облака, падает роса, не шелестят деревья — к приходу ясных дней, теплых погод...

Дома чай кипит в чугунке. К ночи хорошо лежать на твердой, широкой лавке, покры-

* Прозвище собаки на хуторе в Копани

той овчиной, и глядеть на звезды за низеньким оконцем. Осенние звезды, в тумане, чистые, знакомые с детства...

Небо — лунный камень в чистой золотой оправе: у далей — бледное, в выси — густое и сверкающее, как бирюза.

Ночь — шумный ветер, ворохи листвы шуршали о стены избы. Утром — во льду низенькие оконца, яркий свет и синева, холодно, морозно. Совсем облетели осины.

В лесах курят смолу. Синий дым заволок поляну. Холодно в земляном курене.

«К тому и идет, — сказал старый лесник. — Скоро холода станут».

(Публикация и вступительное слово Вадима Паустовского).

На снимке: по дороге на Ильинский омут.

Фото К. Г. Паустовского.